

Влияние проповеди Аввакума на поморских крестьян вскоре стало известно царскому правительству. Церковный собор 1681 г. учредил для борьбы с распространявшимся расколом несколько новых епархий, в том числе и обширную епархию Холмогорскую и Важескую, включавшую в свой состав, в частности, Мезень и Пустозерск.⁷⁴ Архиепископом Холмогорским был поставлен уже упомянутый Афанасий, в прошлом сам раскольник (видимо, даже сочинитель книги «Об антихристе и тайном царстве его»), а затем ревностный поборник интересов государственной церкви. Ему, по словам Семена Денисова, «лютейшему защитнику никоновых новшеств», было «весело и радостно» устраивать чудовищные пытки раскольников, «мучити благочестивыя мужи, их же множество имаю, горькими и лютыми казньми жития сего лишаше».⁷⁵ Этот «кроворадостный епарх»⁷⁶ и писатель (автор «Увета духовного» и других сочинений) воплощал характерное для этой эпохи единство литературно-полемической деятельности и инквизиторской практики. Сам Афанасий писал: «Безумных же раскольников никоими словами не возможно есть увещати, точию воловым остном⁷⁷ наказати их подобает».⁷⁸ Едва только Афанасий прибыл с такими намерениями в Холмогоры (18 октября 1682 г.), а это было всего через полгода после сожжения Аввакума в Пустозерске (14 апреля), как к нему стали поступать жалобы новопоставленных пустозерских попов на то, что местный «введенской церкви поп Андрей и тамошние жители . . . чинят церковный раскол, и к церкви божией и к отцем духовным на исповедь не приходят . . . и оттого в Пустозерском остроге и в принадлежащих тамо местах в мире (т. е. среди народа, — А. Р.) чинитца соблазн, и многие де тамошние жители чрез их раскол обратились в церковную противность и от церкви божией отлучились».⁷⁹ Пустозерские попы писали об этом Афанасию «многажды», с 1683 по 1691 г., поп же Андрей «взят был» в Холмогоры в дом архиепископа, где был «роспрашиван» и «в церковной противности винилса».⁸⁰

Эти обстоятельства показались Афанасию настолько важными, что он не только подробно сообщил о них в Москву патриарху Адриану, но и послал боярского сына Ивана Никитина в Пустозерск «для сыску и поимки» всех этих раскольников. Однако Ивана Никитина ждало неожиданное и серьезное препятствие: движение раскола оказалось в Пустозерске, очевидно, настолько сильным, что сам местный воевода И. М. Леонтьев не решился выступить против него и, вопреки официальной просьбе к нему от архиепископа Афанасия об оказании Ивану Никитину всемерного содействия, «ему, Ивану, в сыску и в поимке церковных раскольников отказал и розыскивать не дал», что было уже прямым нарушением государственных законов. Сразу же вслед за этим сообщением о неповиновении воеводы Иван Никитин сообщил Афанасию и об идейном источнике возникшего движения: «А прежние де раскольники Аввакум и Лазарь с товарищи, которыхы сосланы в тот же Пустозерский острог, достальных жителей возмущаю, прельщают и в той своей прелести утверждают, и от того де тот Пустозерский острог с принадлежащими места душевне (духовно, — А. Р.)

⁷⁴ АИ, т. V, стр. 110.

⁷⁵ Семен Денисов. Виноград российский. М., 1906, л. 114 об.

⁷⁶ Там же, л. 115.

⁷⁷ Орудие для побуждения рабочего скота, бодец, рогатина.

⁷⁸ Увет духовный, л. 84 об.

⁷⁹ Александр Ивановский. К статье об актах холмогорского Спасо-Преображенского собора. — Архангельские губернские ведомости, 1869, № 15, 19 февраля (далее: А. Ивановский).

⁸⁰ А. Ивановский, № 15.